

Алиса Калинина

ФИАЛКА.

В ПОИСКАХ ИСТИННОГО

Алиса Калинина

Фиалка. В поисках истинного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69859564

SelfPub; 2023

Аннотация

Я должна вспомнить свое прошлое, потому что объяснения няни трещат по швам. И кажется, появляется ниточка – я увидела наяву своего друга, являвшегося мне во снах. А он не узнает меня и тут же уносится на своем вороном коне. Неужели то, что мы проходили обряд истинных, ничего не значит?! Или на него тоже наложили заклятье, чтоб нас разлучить? И я должна его найти, чтоб все выяснить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алиса Калинина

Фиалка. В поисках истинного

Глава 1

– Няня! Ты же говорила, что эта железка защищает меня! – размазывая слезы, упрекала я свою кормилицу.

Я старалась держаться, но было очень больно и обидно. Кровь хлестала из распоротой ноги, как из заколотого на праздник поросенка, шишка на голове тоже болела. И меня все еще трясло от пережитого ужаса.

Сколько себя помню, я всегда любила плескаться в реке. И начинала это делать, как только все вокруг становилось зеленым. Я чистюля до кончиков волос. И зимой страдала, потому что ходить к реке за водой и греть ее в котле было довольно тяжело. Поэтому купания в это время года приходилось сокращать.

Летом же было раздолье. Я с наслаждением плавала, чуть ли не соревнуясь с рыбами в скорости. И сегодня вот такая беда приключилась.

В этом месте я ныряла тысячу раз, и никаких коряг там

не было!

И надо же?! Появилась на мою бедную голову! Причем в буквальном смысле! Я так ударилась о нее головой, что на несколько мгновений потеряла сознание. И потеряла б, наверно, насовсем, если б не одна странность. Я ясно услышала голос, который показался знакомым. Даже каким-то родным.

– Фиалка! Слышишь! Не смей умирать!

Открыв глаза, я с трудом сообразила, что со мной и где я вообще. Легкие разрывались от нехватки воздуха. Потом голова включилась и я, оттолкнувшись, ото дна, рванула наверх. Но коряга не желала меня так просто отпускать, и я зацепилась ногой за нее, разодрав чуть ли не в клочья.

Вынырнув на поверхность, я еще не ощущала боли, потому что не могла надышаться. И только на берегу заметила свою рану. От вида крови меня едва не замутило, но я понимала, что нужно добраться до дома и перепоручить спасение меня няне. Она все знает.

Дернув изо всех сил, я разорвала нижнюю юбку и кое-как перетянула рану. Страшно было – не передать. Я боялась, что на запах крови могут сбежаться какие-нибудь шакалы и сожрут меня вместе с косточками.

На всякий случай я прихватила палку и, преодолевая боль, поковыляла к дому. Хорошо, что было раннее утро, и рабочий люд еще не высунулся на улицу. Не хотелось стать предметом пересудов.

Открыв калитку, я чуть не упала в объятия своей няни.

По моему белому лицу она сразу поняла, что с ее любимцей не все в порядке.

– Ленси, девочка моя! Что случилось?! – всплеснув руками, запричитала она. – Я говорила, что твое мальчишество до добра не доведет!

– Нянь, у меня кровь, – всхлипывая, я задрала юбку и показала свою ногу.

– Ах ты ж!

Она усадила меня на лавку прямо во дворе и, несмотря на свою внушительную комплекцию, как молодая козочка, помчалась в дом.

Через пару минут вернулась, неся в руках какую-то склянку и изодранную простыню. Щедро полив рану какой-то вонючкой, она достала из кармана тряпочку с порошком и посыпала им сверху.

На удивление, боль почти сразу утихла. Придерживая края раны рукой, она ловко перевязала ее и удовлетворенно выдохнула.

– Ох, и напугала ты меня, егоза!

– А откуда у тебя такое волшебное зелье? – пропустив мимо ушей егозу, поинтересовалась я. То, что моя няня хранит кучу секретов, я знала, хоть и не могла из нее вытрясти. Но она часто удивляла меня. Вот как сейчас.

Няня отмахнулась.

– Когда имеешь на руках такую непоседу, надо все иметь!

– Тогда все-таки объясни непоседе, почему я должна хо-

дить с этим медальоном? Во-первых, он тяжелый. А во-вторых, юной девушке подошло бы больше какое-нибудь изящное украшение. И если не скажешь, в чем его сила, я его просто выкину! – решительно заявила я, вернувшись к насущной теме.

– Не вздумай! – не на шутку перепугалась няня. – Мне пришлось отдать чуть ли не половину сбережений за него! Его сделал сильный маг...

Ага! Сильный, но криворукий.

Няня замаялась, подбирая слова. А мне стало окончательно понятно, что за этой железкой определенно кроется какая-то темная тайна. И я б ее дожала. Но зелье не только сняло боль, но и лишило сил. Я почувствовала, что глаза слипаются. И чтобы не уснуть прямо на лавке, потихоньку поплелась в дом.

Но вопрос насчет амулета застрял в голове прочно. Я уже не верила няниным отговоркам, потому что спас меня сегодня не этот кусочек железа с синим камнем, а мужской голос. Именно он меня вернул к жизни.

И определенно, он мне знаком. Знаком, но почему-то прочно забыт. И обращение – Фиалка. Странно, необычно, но я сразу поняла, что слова обращены ко мне, а не к какой-нибудь проплывающей рыбке. Значит, есть кто-то, кто знает меня под этим именем. И моя дорогая нянюшка не может не знать. Ничего, скрытница! Ты мне все расскажешь!

Едва добравшись до постели, я рухнула и уснула с твер-

дым намерением добиться правды.

И сон еще больше укрепил меня в своем желании. Причем он был таким реалистичным, что казался воспоминанием.

Я видела себя совсем малявкой. Лет десяти, не больше. И что самое интересное – в настоящем замке. Хотя даже близко к замкам не подходила. И хотя нам пришлось несколько раз переезжать, в столицу никогда не выбирались. Все время мы оседали в городках почтенных бургеров.

Сказать, что во сне отразился замок герцога Гириуса, но я его видела только издалека. На ежегодные празднования по случаю именин самого хозяина или жены с детьми нас с няней не приглашали. Не их поля ягоды.

Но во сне я была внутри замка. И у меня была своя спальня. С большой кроватью. С красивыми занавесками. Зеркалом во весь рост. И несколько полок с игрушками. Но тогда они для меня не представляли ценности, потому что я хотела другого. Заслужить похвалу своего друга.

И поэтому рано утром, вместо нарядного платья, которое с вечера принесла служанка, я с удовольствием натягивала мальчишеские штаны и свободную рубаху. А вместо красивых сафьяновых туфель на каблучках надевала сапоги для верховой езды. Потом вылезла в окно, к которому была приставлена лестница и внизу меня ловил мой друг.

Черноволосый подросток с благородными чертами лица. Высокий, худощавый, очень ловкий, он учил меня совсем не тому, что вбивали в мою голову учителя.

Вместо изучения истории королевского рода, я размахивала шпагой, которая была чуть ли не с меня ростом. Скакала на лошади, а под конец, вся уставшая и запыленная, переплывала речку туда и обратно.

И спасибо снисходительности моего наставника, мне позволялось делать это в одной рубахе и припасенных для этого случая панталонах. Хотя, может, им руководила не снисходительность, а практичность? Рубаха высыхает уже к обеду. А вот кожаные штаны и сапоги – вряд ли. А мокрые не наденешь на следующий день.

Во всем остальном он не давал мне спуска.

– Фиалка! Не раскисай! – слышала я каждый раз. – Ты должна уметь защищаться, если меня не будет рядом!

– А ты будь! – требовательно заявляла я.

– А если мне придется уйти на войну?! Тогда я не смогу, – отвечал мой друг, и по его лицу пробегала тень грусти.

– Я запрещаю все войны! – топала я ногой.

– И все равно, ты должна быть ловкой и сильной. Ты же принцесса! – опять находил он убедительный аргумент.

– Ну хорошо. И я буду, – соглашалась я, и потом мы весело болтали.

Проснувшись, я не могла понять, как очутилась в этой скромной комнатенке с узкой кроватью, подслеповатыми окнами и низким потолком. Где моя уютная спальня и роскошный сад под стенами замка?

Единственное, что меня убедило в том, что приснился

просто сон, а не меня занесло куда –то в другой мир, – это образ моего друга. Я не знала, как его зовут. Совсем. Случись это все на самом деле, у него было бы имя. А так – прекрасный юноша, который опекает юную принцессу.

Я пролежала почти до обеда, но няня меня не тревожила. И я ей была благодарна. Мне хотелось смаковать свой сон, снова пережить ощущение нужности, почувствовать заботу.

Нет, моя дорогая Гуннильда заботится обо мне так, будто я ее родная дочь. Но она квохчет надо мной, как наседка. И пытается уберечь от всего. Если б я не бунтовала, она б меня и за порог не выпустила бы.

Но во сне у меня была совершенно другая жизнь. Может, это от того, что я сильно приложила голову о корягу и чуть не умерла? И мне привиделось что-то из давно прочитанных книг. И ведь даже не проверишь...

Мы несколько раз переезжали, и многие вещи просто потерялись. В том числе и книги.

Но что бы это ни было, ощущение нежности на душе никуда не делось. Оно, как маленький теплый котенок за пазухой, согревало. И что самое странное – именно во сне я поняла, как выглядит счастье.

Нет, я понимаю, что моим сверстникам приходится намного хуже, чем мне. Кого ни возьми – все живут в больших семьях. Они помогают родителям или отданы в услужение. Младшие донашивают одежду, из которой выросли старшие братья и сестры. Постоянно не хватает еды и денег. Нищета

выглядывает из каждого угла. Из-за этого постоянные ссоры, а то еще и побои от главы семейства. И это все ужасно.

Нет, кажется, удар о корягу не прошел даром. Только сейчас я задумалась, о том, как мы живем. Няня – простая женщина, у которой нет ни собственного дела, ни какого-то другого скрытого дохода. И куда бы мы ни приехали, (четыре города я помню точно), она находила себе не очень трудную работу и с хорошей оплатой. Я, конечно, всегда ей помогала. Но тоже не до изнурения. У меня не было ни одного модного платица, как у дочерей городских богатеев. Но одежду и белье до дыр я не занашивала. И еда у нас была без изысков, зато качественная. Мясо, рыба, творог, сметана, масло, сыр, свежие овощи и даже фрукты. Немного, но всегда в наличии.

Вот сейчас она нанялась в цветочную лавку. Но! Работает не каждый день.

Может, нянюшка оказывает еще какие услуги, и я об этом не знаю? Не лекарка ли она?!

Вон как ловко мою рану залечила! Сейчас, конечно, еще побаливает, но несильно. Да и раньше моя Гуннильда не впадала в панику при виде болезней.

Я поежилась. Вспомнила, как Лимож накрыла чума. Люди умирали прямо на улицах. Лавки, харчевни, рынок – все закрыто. Практически не было ни одного дома, на воротах которого бы не красовался зловещий крест – знак того, что здесь есть заболевшие. Страшно было до ужаса. Но одним страхом я не отделалась. Я заболела. И думала, что умру, по-

тому что лекари не успевали посещать даже богатых. А до нас бы и не дошли. К тому же визит и лекарства стоили очень дорого.

Но няня меня сама выходила. Она делала различные примочки, поила горькой настойкой и вселяла уверенность, что все будет хорошо.

И я, действительно, быстро пошла на поправку. Легко отделалась.

Неожиданно в голове снова возникла картинка из прошлого. Недалекого. У меня противно засосало под ложечкой от этого воспоминания.

В Мурелле няня работала в лавке молочника. Я тоже была у нее на подхвате – помогала разливать по кувшинам молоко и сметану, заворачивать в пергамент сыр и масло для богатых, обертывать тряпицами грудки творога.

В тот день мы с няней немного задержались. Посетителей в это время обычно уже не бывало, и дверь мы не закрывали. Няня понесла выручку хозяину в дом, а я осталась складывать непроданный товар в корзину, чтоб потом оттащить в ледник....

Глава 2

– Какая умница! Так ловко у тебя все получается! Ты и со мной будешь такой покладистой? – раздался противный голос за спиной. Я подскочила. Но не успела повернуться, как омерзительные, похожие на сырые колбаски, пальцы сжали мои груди.

Мне показалось, что на глаза упала кровавая пелена от бешенства. Не помня себя, я лягнула наглеца, целясь в коленную чашечку. Потом сгруппировалась и, схватив за кисти нападавшего, дернула вперед. Перелетев через меня, он шлепнулся спиной на каменный пол, как тяжелый мешок, и заорал дурниной.

Я наступила ногой на его причинное место и пригрозила: – Попробуй еще сунуться! Я из тебя вообще дух вышибу! Тут вернулась няня и испуганно вытаращилась на поверженного мужика, который оказался владельцем мясной лавки, что была напротив нашей.

– Ленси, детка, что произошло?

Все еще разъяренная, как бык на турнире, я пнула лежавшего в бок.

– Няня! Он меня хотел обесчестить!

Но няня понимала, что мораль и справедливость на моей стороне, а вот закон может оказаться на стороне того, у кого

больше денег. И она попыталась сгладить конфликт, сказав, что ни ему, ни нам огласка не нужна. Я хотела извинений и заверений, что больше такое не повторится, но мой противник, кряхтя, поднялся и молча ушел, бросив на меня взгляд, полный затаенной злобы.

Я бы еще, наверно, кипятилась, но няня меня отвлекла, сказав, что заработала больше денег, чем думала, и мы теперь можем поехать на ярмарку, купить обновки и посмотреть выступление циркачей.

Инцидент как-то испарился из моей памяти. Я решила, что любая девушка в ярости способна справиться с таким неуклюжим мешком. Хотя сейчас понимаю, что для девушки проще было укунуть нападавшего, закричать, что есть силы. Я же действовала, как солдат...

«Фиалка! Ты должна уметь постоять за себя!» Я и постояла! И этому научил меня мой друг! Теперь у меня не осталось сомнений в том, что сон мой не был просто сном. А какая-то часть из него определенно происходила со мной.

Из маленьких разрозненных кусочков смальты вдруг начало вырисовываться какое-то необыкновенное мозаичное полотно.

И не нужно быть профессором арифметики, чтоб сложить два плюс два.

Итак. Официальная версия того, что я собой представляю и имею.

Отец владел небольшим постоянным двором, мама разно-

сила еду и вела учет заказам. Моя Гуннильда – сирота, подобранный из жалости. Она жила в нашем доме и помогала по хозяйству. Потом она согрешила с заезжим молодым человеком и родила ребенка. Но родственники непутевого папаши узнали об этом и отобрали малыша. И моя мама в это время родила меня. Молока у нее было мало, вот Гунни и вскормила меня. Поскольку замуж порченную девицу никто не взял бы, она и осталась у нас навсегда. И прислужницей, и моей нянькой.

Далее следует очень печальная страница моей жизни. Когда мне было двенадцать лет, случился пожар. Гунни жила во флигеле, и в ту ночь ей почему-то не спалось. Она вязала носки для меня. При свете свечей она не замечала пламени, облизывавшего дом. А когда взглянула в окно – просто обомлела. Страхнув оцепенение, она ринулась в дом и вытащила меня, почти угоревшую от дыма. Затем кинулась спасать мою маму. Прибежавшие соседи помогли вынести и ее. Но вскоре она умерла, но перед кончиной взяла с Гуннильды клятву, что та не бросит меня и сказала, в каком месте хранятся их сбережения. И там же на бумаге имена ее братьев и города, в которых они живут. Мы должны были добраться до кого-либо из них и попросить помощи.

Вот этим, собственно, и объясняется то, что мы срывались с насиженного места и уезжали.

А, ну еще сбережения, которые позволяют Гунни не умирать на работе, а больше времени проводить со мной.

Но факты вклинивались в эту легенду, разламывая ее, как

оттепель ломает в куски лед на реке.

Мы переезжали в город, где живет мой очередной дядя. Отлично. Но в его особняк нас не приглашают, а сразу мы едем в маленький неприметный домик, где и останавливаемся.

Я что, блохастая или лишайная, раз почтенный бургер не соизволит даже взглянуть на племянницу?

Дальше. Зачем защитный медальон дочери обычных горожан? Почему няня всегда запрещала завязывать тесную дружбу со сверстницами? Чтоб я не задала вопрос: «Почему они не умеют читать и писать?» Или что их досуг отличается от моего? Я не вяжу носки и не вышиваю крестиком. Мне это не интересно. Зато люблю читать книги и рисовать. И...! Эти увлечения стоят хороших денег! Откупаются дорогими подарками родственники за то, что на порог не пускают?

Если то, что мне привиделось сегодня, и в самом деле сон, то откуда тогда мое умение постоять за себя? Точно не нянюшка научила!

Нестыковки, на которые раньше я не обращала внимания, посыпались на меня, как горох из дырявого мешка.

И вот еще одна. Сейчас мне почти восемнадцать, и по соседству, и среди знакомых на рынке и домах, окружающих «нашу» лавку, не наблюдалось моих ровесниц. И все потому, что родители не хотели держать лишний рот в доме и стремились выдать замуж дочурку лет с пятнадцати и чуть ли не за первого встречного, который предложит хорошую цену.

Это было отвратительно. Потому что у молодых достаточной суммы не было, и выкупали юных невест травленные молью купцы или лавочники.

А мне няня даже не заикается, что надо бы подыскать жениха. И ведет себя так, будто я ребенок и никогда не заговаривает о будущем.

Ну и самое главное – почему я отозвалась на имя Фиалка? Понятно, что это прозвище. А такие прозвища дают только близким. Так кто же тот юноша, которому это позволено?

Может, все-таки я не Валенсия?

Голова шла кругом от кучи неразрешимых «почему?»

И на все эти «почему» знает ответ Гунни. Пришло время узнать правду.

Глава 3

– Ленси, детка, ты не спишь? Пора обедать, – осторожно позвала няня.

Я сползла с кровати и прошлепала на кухню. Нога не болела совершенно, и я уже подумала, что под повязкой не увижу и следа от раны. Но я оставила маленькое любопытство на потом, страстно желая удовлетворить большое и насущное.

– Нянь, спасибо, все очень вкусно. Но я не прикоснусь к еде, пока ты мне не расскажешь всего, – твердо заявила я. Меньше всего я хотела причинить своей кормилице страдания, но невольно сделала это. Лицо няни покрылось красными пятнами, она растерянно посмотрела на меня, перевела взгляд на еду, на окно с накрахмаленными занавесками и спрятала руки под фартук. Будто боялась, что они выдадут все тайны.

– Детка, – начала было она опять песню про белого бычка, но я предостерегающе выставила указательный палец. Это должно было означать: «Даже не думай!»

Няня как-то сникла. От ее благодушного вида не осталось и следа, будто кто-то мокрой тряпкой стер с бумаги красивый рисунок. Грузно опустившись на стул, она поставила локти на стол и, уронив на ладони лицо, глухо зарыдала.

– Нянь, ты чего?! – испугалась я. – Перестань!

Я подскочила с места и обхватила ее за шею.

– Ты чего?! – приговаривала я, поглаживая ее по голове. Только сейчас я обратила внимание на то, что под чепчиком прячется много седых прядей. Острая жалость кольнула сердце.

Я маленькая эгоистка. Не задумывалась, что у няни нет своей жизни, что она делает все, чтобы мне жилось комфортно. Откуда такое самопожертвование?

Поклялась маме беречь меня? Тем более я должна быть к ней внимательней.

– Пожалуйста, нянь, не плачь! Расскажи мне все, и мы со всем справимся. Какая бы гадость не скрывалась за твоими слезами.

Я осторожно отняла ее руки от лица и чмокнула в щеку.

– Девочка моя, – сдавленным голосом произнесла Гунни. – Ты просишь невозможного. Вот, смотри!

Она закатала до локтя рукав рубахи, и я с изумлением увидела настоящее клеймо на внутренней стороне руки, почти у сгиба.

Горло сдавило спазмом. Я сглотнула, но все равно не смогла нормально говорить.

– Что это? – прозвучало вороньим карканьем.

– Печать неразглашения. Если я начну рассказывать кому-нибудь о тебе, она меня уничтожит. Но я даже не за себя боюсь. Я боюсь оставить тебя одну.

У меня внутри все похолодело. До этого момента мне все казалось чуть ли не игрой, какой-то увлекательной тайной,

разгадав которую, я изменю нашу жизнь.

Изменила так изменила... Приоткрывшаяся истина придавила каменной плитой.

– Нянь, я не буду у тебя ничего выпытывать, – подавленно пообещала я. Вернулась на свое место и, чтоб не волновать Гунни, принялась за еду. Правда, не почувствовала ни вкуса, ни запаха. Просто затолкала в себя. Тут же пришло сравнение. Как в гуся для фуагра – всовывают в глотку воронку и всыпают туда самый питательный корм.

Стоп! А откуда я это знаю? Явно не от торговцев на рынке...

В голове теснились мысли, как бедняки за бесплатным угощением по случаю королевского праздника. Они толкались, отпихивали друг друга, настаивая, чтоб я подумала каждую из них первой. Но я не могла сосредоточиться и ухватиться хотя бы за одну.

Я помою посуду, – виновато сказала я и, собрав тарелки, сунула их небольшой таз с теплой водой. Я надеялась, что, отвлекаясь на процесс мытья, смогу остановить сумасшедшую карусель из догадок.

– Ты что, Ленси! Не выдумывай, – вышла из ступора няня. – Я сама помою!

Карусель мгновенно остановилась, и я пристально посмотрела на Гунни.

– Почему?! – я не ждала честного ответа. Но, кажется, и так догадывалась. Няня опять смутилась, поморгала глаза-

ми.

– Потому что еще успеешь наработаться. А руки девушки нужно беречь! – выдала она, наконец, что-то похожее на правду.

И я ухватила за эту ниточку. Няня никогда не подпускала меня к кухонной утвари. Вопрос – зачем беречь руки простолюдинке? Напрашивался ответ – хочет подороже меня продать замуж? Так после восемнадцати она не сможет этого сделать, потому что после совершеннолетия девушка имеет право, пусть и формальное, определять свою судьбу.

Может уехать в столицу и наняться на государственную службу. В какой-нибудь департамент. Секретарем. Ну это так, из области чуда. А вот что реально – так это найти работу служанки, няньки или даже компаньонки для богатой старушки.

Тут же стало стыдно за то, что такое могло прийти в голову. Моя няня скорее умрет, чем меня обидит!

Надо рыть дальше. И сделать это можно только в полном одиночестве.

– Я пробегусь к речке, – примирительно улыбнулась я и чмокнула няню в щеку.

Наше жилище находилось почти на окраине, поэтому мне не приходилось долго добираться к своему убежищу. Перебежав по шатким мосткам на другую сторону, я уже не спеша пошла вдоль берега. До места, где река образовывала излучину. Среди густых зарослей ивняка было укромное ме-

стечко. Мой личный ирий.

Купаться меня больше не тянуло, тем более, что я не про-
верила свою рану. Мне необходимо было заполучить то со-
стояние покоя, которое могла дать только вода. Усевшись с
ногами на большой теплый валун, я рассеянно смотрела на
воду. Мелкая рябь словно нашептывала теплые слова, и я
чувствовала, как утихает в голове гомон неотвеченных во-
просов, подчиняется моей воле.

Я Фиалка. Это не вызывает сомнений. На это имя откли-
кается каждая клеточка моего тела. Оно ласкает слух слов-
но возвращает мне утраченное состояние безмятежного сча-
стья. Это было нелогично, невозможно, но явственно.

Машинально покрутила в руках свой медальон. Зря я пу-
гала няню. Самостоятельно снять его мне не удалось бы.
Плотного плетения цепочка застегивалась каким-то мудре-
ным замочком. А стащить через голову тоже не вариант – не
позволяла длина.

Хотя раньше я и не предпринимала попыток от него изба-
виться. Нет, я просто хочу посмотреть, что будет, если я его
сниму.

Я потянула цепочку вверх, пытаюсь вытащить голову из
прочной петли. Безуспешно. Однако не совсем. Пока меда-
льон свободно болтался на цепочке, не прикасаясь к телу,
у меня перед глазами, уже наяву, промелькнуло видение. В
нем я была, кажется, немного постарше.

– Фиалка, сейчас отрабатываем вольт. Это уклонение от

удара. Для этого нужно уметь быстро обернуться на триста шестьдесят градусов, пропуская удар мимо тела и не парирова, — методично посвящая меня в тонкости фехтования, терпеливо объяснял мой наставник.

Я хихикнула, представив, как верчусь волчком у противника перед носом.

— Это чтоб соперник решил, что у меня такая форма бесноватости и от греха подальше сбежал? — спросила я, продолжая веселиться.

— Нет. Это чтобы ты научилась быстро, практически молниеносно двигаться, — без тени улыбки ответил он. — И еще у нас сегодня секретный удар. Он передается у нас в роду по наследству. Поэтому, очень прошу, никому не говори, даже матушке.

— А тебя не заругают за то, что ты раскрыл семейную тайну? — вдруг посерьезнела я.

— Если ты никому не расскажешь, то не заругают. А теперь атакуй!

Я ринулась в бой, но мой друг ушел от удара. И так раз за разом. Затем он заставил меня повторять то же самое и под конец занятия показал тот самый секретный удар.

Видение растворилось, а я несколько секунд не могла прийти в себя. Затем взгляд зацепился за относительно ровную палку, и сердце пропустило удар.

То, что я не спала, было очевидным. И списать увиденное на отражение сюжета какой-нибудь книги не получится. И...

Если сейчас...

Я вскочила на ноги, подобрав юбки, завязала грубым узлом и взяла валявшуюся палку. На мгновение прикрыв глаза, я представила, что это не оторванная от родного дерева шершавая ветка, а настоящая шпага.

Сосредоточившись, я сделала выпад, а затем крутнулась, выполняя тот самый вольт. Я атаковала воображаемого противника, нанося удар за ударом, отпрыгивая, уходила от ответных.

Сердце колотилось, как сумасшедшее от восторга. Тело с радостью вспоминало забытые навыки и убеждало в том, что я не тронулась умом. Значит, занятия были на самом деле

Напрыгавшись до сбитого дыхания, я бессильно опустилась прямо на песок, благодаря себя за предусмотрительность в выборе «своего» места для уединения. Противоположный берег зарос кустарником, следовательно, оттуда меня могли разглядеть лишь дикие утки. Но они не несли никакой угрозы. А здесь была лишь одна тропинка, лицом к которой я и выполняла все локомоции с палкой в руке.

Переведя дух, я снова почувствовала настоящий охотничий азарт. Как гончая, которая идет по следу зверя. Я начала заново складывать мозаику из фактов.

Я имею представление, как владеть шпагой. Знаю термины и приемы защиты и нападения. Помню даже технику секретного удара. А это значит...

Что я не могу быть дочерью небогатого бюргера! Потому что им шпаги не положены! Или он меня отдавал в этот замок в качестве игрушки? Может, для того же юноши, который назывался моим другом? А потом меня вернули обратно?

И поэтому... Ну думай! Думай! Точно! Тогда мне запретили говорить об этом и для верности каким-то образом почистили память.

Ведь я не помню ровным счетом ничего из того времени, когда я жила с родителями, а не няней. Только эти два ярких видения...

Я покрутила в голове это объяснение и так, и эдак и со вздохом признала, что оно ну о-о-чень сильно притянута за уши.

Мой неизвестный друг был ко мне требователен, даже суров, но неизменно почтителен. И называл принцессой...

А еще почему-то Фиалкой...

Глава 4

Воодушевление незаметно схлынуло, словно просочилось в песок, освободив место раздумьям. Ну да. Я умею фехтовать. Нет, нет так. Кое- что в этом понимаю, будем честны с собой. И у меня был наставник, который даже в отрывочных всплесках памяти вызывает самые добрые чувства.

Снова закрыв глаза, я попыталась воскресить свои ощущения и разобраться в них. Снова тепло разлилось в груди, обнимая мягкими лапками мою душу. Восхищение, желание заслужить похвалу своего друга – вот что я чувствовала тогда.

Неужели он значил для меня больше, чем родители?! Иначе почему я два раза вспомнила его, и ни разу маму с папой?

Ответов на множество вопросов по – прежнему не было. Но я их найду! Клянусь ... чем? Я не сразу придумала, что у меня есть такого, что важно и не жалко , если вдруг не срастётся. Самое дорогое – это няня. И единственное. Я упрямо поджала губы и выдохнула. Нет, няней ни за что! Клянусь этим медальоном! Он ценен для меня, как ключ к чему – то важному и в то же время, если потеряю, плакать не буду.

А тем временем солнце уже спускалось к линии горизон-

та, и няня, наверно, порядком беспокоится.

Вернув юбки в приличное состояние, я рванула домой.

И очень вовремя.

Няню я застала в кровати, что было само по себе невероятно. Она всегда на ногах до ночи.

– Нянь, ты что заболела? – встревожилась я.

– Нет-нет, – она попыталась успокоить меня, но я видела, что ей плохо.

Лицо моей кормилицы соперничало в бледности с простыней, а на лбу виднелись бисеринки пота. И дыхание было каким-то поверхностным, частым, будто внутрь воздух проталкивался с трудом. Няня никогда не болела, всегда была бодрой и жизнерадостной. И сейчас, видя ее такой слабой и беззащитной, я почувствовала, что у самой от страха по спине заструился пот, а сердце заколотилось, как сумасшедшее.

– Няня..., родненькая, – пересохшими губами прошептала я. – Что с тобой? Я сейчас за лекарем сбегаю!

– Нет-нет! – испуганно вскрикнула она. – Все пройдет!

– Тебя лечить надо! – настаивала я.

– Нет, само пройдет. Наверно, – попыталась убедить меня няня, но получилось плохо. На лице быстро промелькнула тень обречённости. Но от моего встревоженного взгляда это не укрылось.

– Ты знаешь, что с тобой?! – заподозрила я.

Гунни прикрыла глаза, чтоб не отвечать, и я поняла, что знает.

Я похолодела, боясь озвучить то, что пришло в голову.

– Нянь, – нерешительно протянула я. И не дожидаясь ответа потянулась к ее рукаву. Задрала до локтя и увидела подтверждение тому, чего боялась. Клеймо изменилось. Оно предупреждающе светилось тусклым синеватым цветом.

Но няня ж ничего не сказала?! Наверно, ему хватило и того, что я начала наседать с вопросами. И эта проклятая каракуля защищает информацию, как может.

Кто же это сделал? Доберусь, насажу негодяя на шпагу, как каплуна на вертел! Но это потом.

Меня сейчас волновало одно – как няню поставить на ноги. Или ее недуг, как инфлюэнца – сам пройдет при должном уходе?

Я метнулась на кухню, вскипятила в ковше воды и набросала туда все, что посчитала нужным для восстановления сил – лист земляники, шалфей, тимьян. Потом подумала и доба-

вила ромашки – хуже не будет.

И пока мое зелье остывало, я лихорадочно соображала – чем же еще можно помочь моей кормилице. Но на приготовлении отвара мои познания в лекарстве, к сожалению, закончились.

И неотвратимо приходило понимание того, что сегодняшний день стал последним беззаботным. Но я его пыталась отогнать, чтоб не мешало соображать.

Все –таки нужно идти к лекарю. Няня давала мне деньги за помощь, чтоб я могла сама себе купить что-нибудь ненужное, но манящее. Но книги она мне сама покупала, как и все необходимое для рисования, а на глупости я не тратила честно заработанное. И теперь у меня есть своя казна. Так что если не на самое дорогое снадобье, то на просто действенное, мне хватит.

Я отнесла настой в комнату, напоила няню и хотела уже бежать, как она меня остановила. Словно прочитав мои мысли.

– Детка, ты куда-то собралась на ночь глядя? – голос няни прозвучал тихо, так что у меня на душе заскребло.

Подумав, что лекарь уже, и вправду, закрыл свою лавочку, я отрицательно покачала головой. Если станет хуже, то тогда не постесняюсь потревожить его покой, разбужу хоть среди ночи.

– Спасибо за отвар, девочка моя! – слабым голосом произнесла она.

– Я сделаю все, чтоб ты выздоровела, – горячо заверила я.

Няня уснула, а я еще долго ворочалась, не представляя, как мне выяснить правду. Она представлялась мне огромным запутанным лабиринтом со множеством входов и одним –единственным выходом.

А наутро Дестина* подкинула мне ниточку, по которой можно было бы найти его, но потом так жестоко оборвала, что мне самой чуть не потребовалась помощь лекаря...

Утром няня попыталась встать, вернее встала, но по ее неуверенной походке я сразу поняла, что ей не намного лучше.

– Няня! В кровать! – строго приказала я. – Сейчас я сделаю тебе омлет и травку заварю, а потом побегу к лекарю.

С травкой все получилось без проблем. А вот с омлетом я явно погорячилась.

Почему-то я была уверена, что справлюсь с ним на раз – ведь часто наблюдала, как няня его готовит. Разбить яйца, добавить молоко, взбить – делов-то.

Но сразу все пошло не так. Одно яйцо просто скатилось со стола и, разбившись, растеклось скользкой лужицей. Второе упало в миску вместе со скорлупками. Хорошо, что я его хоть помыла... Пришлось вылавливать скорлупки. Ну и дальше чуда не произошло. Омлет подгорел и напоминал не пышное великолепие, приготовленное няней, а жалкую тряпочку.

К счастью, у нас остался еще сыр и масло, так что свою

кормилицу голодной я не оставила.

А сама устала так, будто целый день в лавке отработала. Теперь можно было окончательно выбросить из головы мысль, что няня планирует меня выдать замуж. Такую хозяйку только с большой приплатой возьмут...

Справившись с насущным, я понеслась к аптекарю. Кое-как описав недуг няни, естественно, умолчав об истинной причине, я потребовала зелье, укрепляющее жизненные силы.

Лекарь, знакомый с Гунни, обеспокоенный болезнью приятельницы, быстрее белки метнулся в свои запасники и принес целых три склянки. Засунул их в полотняный мешочек. Потом подумал и добавил еще порошок, чтоб моя кормилица не только выздоровела, но и начала бегать, как молодой олень.

Подробно рассказав, что, как и с чем принимать, проводил до порога. Но этого ему показалось мало. Он вышел со мной на улицу, продолжая наставления. Но вдруг осекся на полуслове.

Следуя за его взглядом, я тоже повернула голову в сторону дороги. И если на лице аптекаря растеклось подобострастное выражение, то на моем даже не берусь определить какое...

Я увидела своего друга из видений!

Дестина* – Судьба, Провидение

Элгон – злой дух

Глава 5

Понятное дело, это был уже не тот пылкий юноша, которого я помнила. В окружении трех всадников на вороном коне красовался молодой мужчина. Что он главный среди них, было понятно сразу. И по тому, как они ловили его взгляды, и по его внешнему виду. Он одет был в черные штаны и черную шелковую рубаху, перетянутую на талии ремнем. Через седло был перекинут плащ и тоже черный. Ну и в довершение сурового образа – его смоляные волосы, свободно спадавшие на плечи.

Первое, что пришло в голову – я опять или сплю, или вызвала видение каким-то образом. Но видения мои о прошлом, а сейчас со мной стоит аптекарь из самого что ни на есть настоящего! Он приветственно склонил голову, как только всадники приблизились к его лавочке.

Однако на него никто внимания не обратил. И, кажется, на меня тоже. Как же? Это же я, Фиалка!

Я открыла рот, чтобы позвать своего друга и ... зависла.
– А.. э.., – выдохнула я, с ужасом понимая, что так и не вспомнила его имя.

Наверно, ветер дул в их сторону и донес до ушей моего наставника из детства мое нечленораздельное обращение, и он обернулся. Я чуть не взвизгнула от восторга! И тут же захотела провалиться сквозь землю от стыда и боли.

Тот, кто называл меня принцессой и обещал защищать всегда, скользнул по мне равнодушным взглядом, будто я была пограничным столбом, и отвернулся. В растерянности я потеряла нос, готовясь зареветь от обиды.

И тут он обернулся. Пристально посмотрел. Не так, как на пограничный столб, но не увидев ничего нового, снова отвернулся.

Всадники ускакали, оставив за собой легкое облачко пыли.

Я была потрясена. Сомнений не оставалось. Со мной произошло что-то ужасное. А может и с ним? Да, я была тогда совсем девчонкой и наверно, внешность моя изменилась. Но если мы проводили столько времени вместе, должно ж что-то у него в памяти остаться?

А что, если и у него вместо настоящего прошлого, тоже что-то придуманное?

Очень хотелось в это поверить, но горькая правда тронула меня за плечо и велела рассуждать здраво. Судя по тому, как растеклось сладкое выражение на лице аптекаря, мой друг не бедствует, а наоборот, занимает высокое положение.

А я простолюдинка в дешевом платье. Скорей всего, он меня узнал, раз обернулся, но предпочел не показывать это, чтоб его спутники не засмеяли.

«Фиалка, ты должна быть сильной! Должна уметь защищаться!» – зазвенели в ушах его слова.

Лицемер! Предатель! Он же клялся, что сам будет защи-

щать меня, если не уйдет на войну!

Но Дестиния хранит наше королевство, и войн уже нет.

Глотая горячие слезы, я быстро зашагала домой, оставив без внимания немой вопрос няниного приятеля, который видел, как я раскрывала и закрывала рот, и как стояла соляным столбом, глядя удаляющимся всадникам вслед.

В душе образовалась выжженная пустыня, пожарище, где ничто живое не сможет выжить.

До того, как у меня появились видения, я напоминала порхающую беззаботную бабочку, которой если и приходилось трудиться, то не в напряг. Просто я хотела помочь няне и помогала. Я верила, что мы с ней сможем поднакопить денег и открыть свою лавочку. Цветочную или даже кондитерскую. Гунни пекла такие восхитительные кексики, пальчики оближешь! А чуть больше затратив средств, можно было и пирожные делать.

Все в моей голове было просто и ясно.

А теперь там поселилась пугающая темнота и настоящее отчаяние. Ведь у меня не осталось ни своего имени, ни родителей, ни даже памяти. Только няня...

Нет, кроме пустоты, там, словно бабочка о стекло, билась мысль. Вернее, не мысль, а слова этого надменного красавца, сказанные много лет назад. «Ты должна быть сильной!»

Для чего? Чтоб стойко перенести унижение? Так уже не получилось!

Я представила только, какую меня увидел красавец, и уши запылали жарким пламенем от стыда. Деревенская дурочка, открывшая рот от восторга. Святые духи!

К горлу подступил горячий ком, мешающий дышать. Никогда в жизни мне не было так отвратительно и тошно на душе. Словно там поселился мерзкий скользкий червяк, и при мысли об этом лицо непроизвольно кривится в брезгливо-гадливой гримасе. И похоже, избавиться от этого червяка, нет никакой возможности.

Хотелось умыться ледяной водой. Нет, не умыться! Полностью окунуться, чтоб смыть липкую паутину стыда. Но мне нужно отнести лекарство няне, это раз. А два – я не имею права идти домой с таким выражением лица. Гунни обязательно заметит и начнет расспрашивать. А это проклятое клеймо не простит разговоров о прошлом. Если я правильно понимаю...

«Должна быть сильной!» – отдавалось болью при каждом шаге. И от этой боли рождалась решимость. Тот, кто стер мою память, должен ответить! Тот, кто наложил заклятье на мою няню, должен ответить! Да и этот красавчик, чтоб ему пусто было, должен ответить за предательство!

Стоп! В голове опять произошел переворот. Ведь именно его голос меня спас, когда я потеряла сознание! Если бы забыл, то не пришел бы на помощь...

Ох, лучше б я его считала предателем! Одним вопросом было б меньше.

Я притормозила. Итак. Спутанный клубок можно разобрать только по ниточке. По одной. По той, которую хотя бы видно.

Я развернулась и чуть ли не бегом припустила назад. К аптекарю.

– Ленси, ты забыла, как давать лекарство? – удивился он моему возвращению.

– Не совсем, – включила я вчерашнюю беззаботную девочку и почти естественно улыбнулась. – Господин Сенар, меня одолело любопытство. Кто были люди, которых вы поприветствовали? Мы ж с няней неместные. А мне скоро нужно будет из-под няниного крыла вылезать. Вот и хочу узнать о городе как можно больше.

Старичок или сделал вид, или на самом деле не понял, что меня пригнало назад не праздное любопытство.

– Так это же королевская инспекция. У лошадей на нагруднике королевский герб. Командир у них – господин Гроуенор – самый молодой офицер, получивший такую должность.

– И что, они живут в нашем городе? – усилием воли сдерживаю волнение и пытаюсь сохранять в голосе лишь одно любопытство.

– Нет, что ты! Они наезжают внезапно. Проверяют гарнизоны, работу мэрии и уезжают обратно в столицу, – ответил Сенар.

Расспрашивать дальше было бы неприлично уже – ведь я

обозначила сразу, что мне интересно то, что касается этого городка...

– Понятно, спасибо, – я улыбнулась и, чтоб старик не держал в голове странный разговор, съехала с темы. – Только повторите мне еще раз, пожалуйста.

Я достала склянки и тыча пальцем в каждую, озвучивала способ употребления, и в одном намеренно ошиблась. Пусть удивится девичьей памяти!

Глава 6

Хотя если бы на самом деле я забыла, ничего удивительного в этом бы не было. У меня жизнь перевернулась вверх дном и не собирается возвращаться на место. Осознание того, что я – это не я, не даст спокойно жить. И это еще не главный сюрприз. У меня чуть ноги не подогнулись от нового подозрения. А что если мне уже далеко не восемнадцать? И няня держит меня при себе, как несмышленища?! Зачем? Получает деньги за присмотр за мной?!

После того, как знакомый незнакомец меня окатил равнодушным презрением, я уже ничему не удивлюсь.

Задумавшись, я споткнулась и чуть не растянулась на земле. Но ловкость, которую когда-то выработал во мне темно-волосый парень, не позволила этого. Одной рукой прижимая склянки, другой подхватив юбку, я перенесла центр тяжести на вторую ногу, так что получился настоящий выпад. Странная картина, но всяко лучше, чем картина распластанной на дороге тушки. Да и лекарства спасла.

Что самое странное, я не успела даже сообразить, как проделала это все, не думая, перепоручив телу спасение самого себя.

Тем самым получила еще одно подтверждение тому, что все совсем не то, что кажется.

Склянки я благополучно донесла и два дня лечила свою

Гунни. Несмотря на всю мою любовь к ней, сомнение, раз поселившись в душе, уже не хотело оттуда вылезать. Почему я не имею никаких навыков, которые могут меня прокормить, если я решу оторваться от ее юбки? И самое неприятное – я не могу спросить у нее прямо. И так без конца приходится заглядывать на ее клеймо, надеясь увидеть, что оно совсем успокоилось.

Наконец, няня полностью выздоровела, и я решилась на серьезный разговор.

– Нянь, я не буду у тебя ничего спрашивать. Но я не намерена больше сидеть под твоей юбкой. У меня появились вопросы, которые не дадут жить, как раньше. Я еду в столицу, чего бы мне это не стоило. Если поможешь деньгами, буду благодарна.

Кормилица чуть не грохнулась в обморок, но увидев, что я решения не изменю, горестно всплеснув руками, просто-нала:

– Детка! Пропадем мы там!

Я удивленно вскинула бровь.

– То есть, ты хочешь сказать, что едешь со мной?

– Ну а как же иначе?! – няня в недоумении уставилась на меня. – Я знала, что рано или поздно настанет время, когда ты вырвешься из-под моей опеки и станешь принимать самостоятельные решения. И оно настало. А я теперь могу лишь следовать за тобой.

И это еще раз убедило меня в том, что и мой возраст на деле не мой. Няня не закудахтала, что мне нет еще и восемнадцати и покорно согласилась со мной.

Негласно я стала главной в нашей семье, а няня осталась нашим казначеем, потому что пока не могу выяснить, кто ее снабжает деньгами и обеспечивает непыльной работой. Да и работа, я подозреваю, нужна только для того, чтоб не вызывать у соседей ненужных пересудов.

И тут же я сообразила, что не составит труда узнать, с кем она общается, просто проследив за ней. И тогда благодетель не отвертится!

Я почувствовала себя маленьким дракончиком, сначала мирно существовавшим в своей теплой и безопасной скорлупе, а потом созревшим, чтоб ее покинуть. Беспомощный, в липкой слизи, он еще растерян и напуган. Но с каждой минутой в нем просыпается сила, расправляются перепончатые крылья и тому, кто станет у него на пути, не поздоровится!

Мне показалось, что даже кровь у меня стала горячей. Я хотела бы сбросить свое тряпье, одеться в мужской костюм, как раньше, вскочить на резвого скакуна и промчаться до ближайшего города. Почувствовать приливающую энергию, азарт, вкус свободы! Вернуть то, что у меня отняли! И наказать тех, кто это сделал!

Но это потом. Сейчас нужно сделать много другого. Первое. Попасть в столицу. Узнать о господине Гроновере все, что можно. Жаль, что я постеснялась спросить у Сенара, как

зовут самого молодого офицера на важной должности. Хотя, скорей всего, он и не знает. Они ж не распивали вдвоем пиво в таверне...

Таверна... Вот место, где все можно узнать. Пару раз мне приходилось бывать в таком заведении – относила заказ на цветы. Не надо читать королевские хроники, чтоб узнать свежие новости. Значит, в столице мы поселимся на постоялом дворе, и я буду собирать информацию.

– Няня, а сколько у нас денег? Нам нужно оплатить проживание хотя бы на две недели, пока я найду работу в Лан-доверре. И еще мне нужно дорожное платье. Как у благородной барышни. Недорогое, но приличное. А, и на чаевые носильщику, который будет затаскивать наши вещи.

Няня пожевала губами, что-то прикидывая в уме.

– Ты же не отступишься? – со слабой надеждой в глазах спросила она.

– Нет, нянь, я, кажется, и так от жизни отстала, что дальше некуда, – я отрицательно покачала головой.

– Хватит впритык. Но если мы ничего не придумаем путевого, вернемся сюда. Домик остается за нами, – тяжело вздохнула Гунни. Я так понимаю, что наши переезды ей порядком надоели, но думаю, что она следовала каким-то инструкциям. И кто стоит за всем этим, я узнаю.

Хотя в нашем городишке тоже есть человек, очередной «дядюшка», который может пролить хоть какой-нибудь жиденький свет на мое прошлое. Но здесь вряд ли удастся неза-

метно проследить за няней. Улицы не переполнены народом, так что не получится спрятаться за чью-нибудь широкую спину...

Глава 7

Элгон послал меня в эту экспедицию! Чтоб очередной раз убедиться, что везде чтут повелителя и в гарнизонах солдаты вымуштрованы до идеала?

Все как должно быть. Но вот обратный путь меня практически «выбил из седла». Того, кого готовы принять в семью правителя! Воина без страха и упрека! И кто?! Деревенская простушка! Я из –за нее чуть с со своего красавчика не свалился. В ней ничего не напоминало мою Фиалку – единственное, что осталось во мне живого. То, что никакими ритуалами забвения не выбить из меня. Маленькая принцесса, которая имела мудрости больше, чем весь королевский совет. Трогательная Фиалка, ради которой я, не раздумывая, отдал бы жизнь.

И сколько я ни пытался ее забыть, ничего не получалось. Я мысленно просил у нее прощения, когда вынужден был поступить не совести, а по закону. Я ждал ее одобрения, когда удавалось спасти достойного человека. Несмотря на то, что она умерла, я продолжаю ее искать. Может, не ее, но похожую... Хотя понимаю, что это глупо.

– Командир, с вами все в порядке? – обеспокоенно спросил Ландок, мой помощник, когда я обернулся посмотреть на девчонку. Да так, что чуть шею не вывернул. Привлекла фигура, наверно? Простолюдинки крепкие, словно сама

природа создала их для тяжелого труда. А эта, на удивление, стройная, ладная. Кажется, подует ветерок, и она подхватится и полетит вместе с ним. Вот такой гибкой, как лоза, и изящной должна была вырасти Фиалка. Такой я ее и представлял в будущем. Моей избранной. Недостижимой и притягательной. Той, которой я поклялся быть верным другом и защитником. А она потащила меня на гору Дестиньи.

– Рич! Я хочу проверить, настоящие ли мы друзья? – заявила малявка, которой я ни в чем не мог отказать. И не потому что она принцесса, а потому что исполнять ее желания и видеть, как загораются радостью ее необыкновенные глаза, для меня было всегда высшей наградой.

– Фиалка. Вообще-то, гора Дестинья проверяет истинные пары. И если кто-то из корыстных или легкомысленных побуждений хочет пройти сквозь арку Истинных, Дестинья лишит их чего-то важного. Кто-то может ослепнуть, оглохнуть, потерять обоняние или несчастье какое-то случится. Я за себя не боюсь. Ты моя принцесса. И так будет всегда. Но у маленьких девочек в голове еще столько всего, что они могут решить, что на самом деле так думают. А это всего лишь прихоть, каприз.

– Пфф! Тебе ли не знать, что в других странах двенадцатилетних уже замуж отдают! – задрала хорошенький носик Фиалка. – И ничего, становятся королевами. Правда, после этого мало кто живет долго и счастливо. Поэтому, если Де-

стинья проверит нашу искренность, я могу сказать родителям, что у меня есть истинная пара. И никто не посмеет меня заставить выйти замуж!

Ты же ездил с нами на свадьбу моей родственницы – Рооны, которую выдали за старика?! Она глупенькая радовалась щедрым подаркам, нарядам, будто сама совсем нищая была. А потом как узнала, что ее ждет, так чуть разума не лишилась!

– Моя, принцесса! У тебя хорошие родители. Они тебя любят и не сделают несчастной! – попытался я унять ее порыв.

Но моя Фиалка был умна не по годам.

– А зачем же ты тогда меня муштруешь, как солдат на плацу?! Разве я не должна быть нежным цветочком? – она хитро прищурила свои глазки, понимая, что сказать мне нечего. Я не мог сказать ей, что об этом попросил ее отец. А недавно я стал невольным свидетелем разговора ее отца и моего. Они опасались, что сторонники Моранда готовят какую-то подлость. Поэтому даже девочке может угрожать опасность. А ловкость и неустрашимость давали больше шансов на выживание в любой ситуации. Врать ей я не мог, поэтому приходилось выкручиваться. Тем более, что она всегда каким-то непостижимым образом понимала, где я лукавлю.

– А если вдруг я попаду в беду?! Ты же мой единственный друг, которому я могу довериться. Кто же меня защитит? И вообще, принцесса, должна быть с виду слабой и нежной, а

внутри сильной.

И она легко соглашалась. Но я и сам видел, что ей нравится быть шкатулкой с двойным дном. Утром я гонял ее до седьмого пота, как настоящего бойца. А к обеду выходил ангелочек в кружевных платицах и с красивыми локонами.

Я обернулся, движимый какой-то неведомой силой, но это была лишь игра воображения. Конечно, за несколько лет она могла измениться до неузнаваемости, но цвет глаз не поменяется. Да и глуповатое выражение на лице селянки, когда она нас увидела, не могло принадлежать принцессе. И вообще она погибла. В тысячный раз говорил я себе, но сердце невольно заставляло оглядываться на каждую незнакомку.

Конечно, это не она. Но на душе было невыносимо тяжело, словно я отрывал от нее кусок. И не просто отрывал, а с мясом и кровью. Что стоило остановиться и поговорить. Ведь по речи сразу станет все понятно! Но, во –первых... Хотя, наверно, оно и из последних – о том, что я, несмотря ни на что, надеюсь найти Фиалку, никто не должен знать. Даже мои верные соратники. Дочь свергнутого короля представляла серьезную опасность. Оправившись после переворота, сторонники Ругарда вполне могли объединиться, чтоб вернуть прежний порядок. И возвращение принцессе ее законных прав – весомая причина, чтоб в стране начался бунт.

А я волей Дестиньи как раз и занимаюсь тем, что препятствую всяким объединениям.

Глава 8

Несколько дней у нас ушло на сборы. Нашли экипаж, мне платье, упаковали немудреный скарб.

– Ну все, в добрый путь к новой жизни! – бодро провозгласила я, присев на баул с книгами.

К начальному пункту нашей новой жизни мы приехали на следующий день, почти к ночи, и остановились у постоялого двора на окраине столицы. Дальше ехать не было сил ни у нас, ни у лошадей.

Оставив няню в экипаже, я зашла внутрь заведения с интригующим названием «Оловянный горшок».

На звук колокольчика почему-то никто не поспешил, и я озадачилась. На столах стояли тарелки с остатками еды, кружки – что говорило о присутствии людей. Но куда они испарились, непонятно.

– Эй! Есть здесь кто?! – крикнула я довольно громко. – Э-э-й!

Через некоторое время со второго этажа спустилась недовольная то ли хозяйка, то ли служанка.

Оглядев меня с головы до ног, она, наконец, открыла рот.

– Вы, госпожа, что хотели?

– Не только хотела, но и продолжаю хотеть. Нам нужно два номера и что-то поесть. И желательно помыться с дороги, – ответила я.

– Ну тогда вам придется поискать другое место. Печи потухли, котлы остыли. Да и еда уже холодная, – негостеприимно описала она перспективы. А потом словно спохватилась: – А вы, что, одна путешествуете?

– Нет. С няней и кучером, – слегка приукрасила я. Кучер у нас, само собой был. Но он был наемный, прилагался к экипажу. И отдохнув, завтра должен отправиться обратно.

– Тогда тем более наше заведение вам не подойдет, – заключила она. По манере говорить и по смелости, с которой она принимает решения, я поняла, что все-таки это хозяйка.

– Я не требую королевских условий. Повторяю, нам нужен ночлег. Даже если у вас всю еду съели другие господа, – я кивнула в сторону неубранных столов.

– Вот поэтому я и говорю, что вам здесь не место. У нас собирается разная публика. Азартная. Делают ставки. А потом напиваются. На радостях, или от расстройства, – женщина развела руками, давая понять, что при всем желании, поделать ничего не может.

– И вы переживаете, что я буду конкурировать с этой публикой в выпивке? Или в чем проблема? – я удивленно уставилась на нее.

– У нас нет надежной защиты для такой благородной барышни, – пояснила она. Хотя ясности не появилось.

– Вы намекаете на то, что к нам в номер могут вломиться какие-нибудь нетрезвые господа, разгоряченные выпивкой и своим проигрышем или выигрышем? И на что у вас

ставки? – не сдавалась я.

– Ну в номер, может, и не будут ломиться, но вне номера могут повести себя крайне невежливо, – ответила она на первый вопрос. А я призадумалась. Озадачило ее «благородная барышня». Неужели только одежда выдает статус человека?! Это давало дополнительные шансы на успех. Правда, не знаю, какие именно. Пока этот вопрос отложим.

– Значит, мы остаемся. По коридорам ночью шататься мы не планируем. А утром, надеюсь, все проспятя и будут неопасны, – твердо сказала я. А про себя подумала, что иметь крышу над головой и запирающуюся комнату лучше, чем въезжать на уставших лошадях в незнакомый город и явно неблагополучный округ. И потом скитаться по запутанным лабиринтам.

– Ну смотрите, я предупредила, – передернула плечами хозяйка. А я решила, что дружба с ней будет нелишней. Поэтому миролюбиво улыбнулась.

– Все будет хорошо, – я сказала это довольно убедительно, а внутри зрело непонятное, будоражащее предчувствие чего-то важного.

– Тогда занимайте две крайние комнаты справа на втором этаже. Завтрак я распоряжусь вам принести. Меня зовут Матисса, – успокоив себя тем, что сделала все возможное для избежания неприятностей и денежки получит без укоров совести, дала добро хозяйка.

– А у вас есть кто, чтоб перенести наши вещи? – вспом-

нив, что меня считают благородной дамой, спросила я.

Кажется, я запросила слишком много услуг от этого заведения... Матисса озадаченно потеряла подбородок и тяжело вздохнула.

– Сейчас.

Она неохотно направилась куда-то под лестницу и вскоре вернулась с недовольным мужчиной неопределенного возраста.

Интересно, у них что, все служащие в каком-то ларце прячутся? И их оттуда по одному выуживать нужно?!

Заплатив за ночь и получив ключи, я, в сопровождении носильщика, отправилась за своими спутниками.

Я думала, что, разобравшись с поклажей, заплатив кучеру, рухну на кровать и продрыхну до утра.

Но не тут-то было. Тело настойчиво требовало воды. Пришлось нарушить данное Матиссе обещание и отправиться на поиски какой-нибудь помывочной. В помещении по-прежнему не было ни одной души. И с одной стороны, это радовало, а с другой напрягало. Невольно в голову лезли мысли о призраках и прочей нечисти.

Помывочную я-таки нашла, как и холодную воду. Но ничего, нас этим не испугаешь. Трудность возникла с раздеванием. Приходилось выворачиваться змейкой, чтоб развязать шнурочки. Наконец я справилась и, освободившись от платья, вдохнула и окатила себя из ковшика. Быстренько намылилась восхитительным розовым брусочком, принесенным

няней из лавки. Хотелось взвизгивать каждый раз, когда я поливала себя. Но предосторожность никто не отменял.

Избавившись от дорожной пыли, я совсем осмелела. Надо же было узнать, что здесь творится.

Носильщика Матисса выудила из-под лестницы, и значит, он туда и вернулся. Сама она спустилась сверху. Меня не покидало ощущение, что из окон комнат, расположенных на другой стороне коридора можно увидеть что-то интересное. Ломиться туда было бы делом нехорошим. Поэтому я прошла по коридору, и моя любознательность была вознаграждена, потому что в конце была дверь. Очевидно, это черный ход. К моей радости, она оказалась открыта и вела на небольшую площадку с винтовой лестницей.

Отсюда хорошо были слышны возбужденные крики и возгласы.

Как любопытная кошка, я не могла удержаться, чтоб не заглянуть туда. Правда для этого пришлось схватиться за ограждение и по-гусиному вытянуть шею, чтоб хоть что-то увидеть.

И сделала это не зря. У меня почему-то захватило дух. Я увидела довольно большую площадку, окруженную примитивными трибунами. Почти как для рыцарских турниров.

А на этой площадке сражались два полуобнаженных фехтовальщика. Рубахи валялись в стороне, очевидно, бой уже идет довольно долго. Даже отсюда я видела, что спины сражающихся блестят от пота.

Зрелище завораживало. Надеюсь, они не на смерть сражаются?! А то не удивительно. Матисса сказала, что здесь делают ставки. Мало ли что оговорено в условиях?!

Надо бы убираться отсюда, пока кто-нибудь не заметил. А то потом пойди докажи, что благородная барышня может чуть ли не висит на ограждении лишь для того, чтобы разглядывать торсы мужчин.

Глава 9

Значит, они делают ставки на фехтовальщиков? Что-то моя картина мира окончательно поплыла. Я читала, что в портовых кабаках дерутся на кулаках грузчики. Но шпага и ставки – это как –то совсем неблагородно. Но я же вижу это собственными глазами! И оно меня не отпускает. Публика, даже в свете факелов не выглядит богатой. Не голодранцы, а скорей купцы, лавочники и прочие представители не привилегированного сословия. И вдруг я поймала себя на мысли, что больше всего мне интересна техника сражающихся. Я жадно ловила каждый выпад, каждый уход и отмечала все детали. Будто примеряя на себя – что у меня получилось бы лучше или хуже. Я так увлеклась, что забыла про няню. Ведь ей сказала, что пошла помыться и пропала!

Нехотя я слезла со своего насеста и поплелась в комнату.

– Детка, я уже хотела идти на поиски, но боялась разминуться с тобой, – с облегчением выдохнула она, увидев меня на пороге.

– Нянь, здесь всем не до нас. Похоже все увлечены неофициальным турниром. Давай спать. С утра нас ждут великие дела, – чмокнув Гунни в макушку, я опять с трудом начала выпутываться из «благородного» платья. Определенно, оно подразумевает наличие прислуги. И об этом мы тоже будем думать завтра. Хотя... Завтра нужно уже что-то делать. А

для этого нужен план. И деньги. А чтобы получить деньги, нужно их заработать...

Тут организм потребовал свое законное, и я провалилась в сон.

Наутро Матисса, как и обещала, прислала нам завтрак. Подгоревший омлет с пересушенными гренками и немного заветренного сыра.

Покрутить носом не удалось – есть хотелось зверски. Морщась, как кошка, жуящая целебную траву, я проглотила еду и немного засомневалась в правильности принятого решения. Привычное уютное существование без всяких проблем вдруг показалось таким милым... Фу! Болотом!

Я подавила минутную слабость, обругав себя безмозглой личинкой.

Надев выходное платье, я спустилась вниз, чтоб побеседовать с Матиссой.

Мне нужно получить как можно больше информации о городе и его жителях, чтоб как можно скорей найти работу и отогнать угрозу голода и нищеты.

Хозяйку заведения я нашла в кладовке – она пересчитывала запасы. Которые, кстати, не отличались разнообразием и количеством. Несколько наполовину пустых мешков с какой-то крупой. Сильно обрезанный окорок на крюке, головка сыра и корзина с яйцами. Зато вдоль стены выстроилась шеренга здоровенных бутылей с вином. Нет, еще вчера я могла бы подумать, что это морс...

Но правда жизни открывалась мне с поразительной скоростью, причем совсем не с лучшей ее стороны.

Вчера Матисса практически выпроваживала нас, хотя новые постояльцы – это деньги. Значит, не разрешенное властями развлечение, подогреваемое горячительным, приносило намного больше дохода, чем две женщины с кучером. Поэтому она и не заботилась о качестве еды. Ей было наплевать, что кто-то из гостей останется недовольным. У нее своя золотиносная жила.

Отчасти это подтверждалось и тем, что зал был практически пустой. Только в углу двое мужчин, очевидно, такие же путники, как и мы, без удовольствия жевали омлет.

– Госпожа Матисса, – обратилась я к ней, нацепив самое беспечное выражение лица, чтоб она не догадалась о нашем плачевном состоянии. – Уделите мне пару минуток вашего драгоценного времени.

Такими любезностями она не была избалована, поэтому расплылась почти в дружеской улыбке. Однако глаза по-прежнему напряженно бегали.

– Слушаю, – с наигранным вниманием ответила она. – Чем смогу – помогу.

Ну да! Ну да! Даже моя наивность сейчас чихнула – явная ложь, как пыль, закружилась вокруг.

– Я человек новый в городе. Приехала издалека, и мне нужно заводить полезные знакомства. Какие лавки или кофейни посещают приличные дамы?

– А вы собираетесь просто так подойти к кому-то? – удивилась она.

– Нет, конечно! Для начала я поулыбаюсь всем. Но с чего-то нужно начинать?

Конечно, я не сказала, что в выбранном заведении сначала у служащих узнаю, у кого из постоянных клиенток есть дети, и только потом подойду с предложением. Может, это и не самый правильный путь, но другого я пока не вижу.

Мысли о том, что у нас денег кот наплакал, я усиленно гнала прочь, боясь, что страх перед будущим лишит меня решимости. Я твердила, что у меня все получится. И не подозревала, что именно получится...

– Итак, где можно встретить людей моего круга? – вернула я разговор в прежнее русло.

Матисса сделала важное лицо, будто собиралась сообщить мне государственную тайну. Пожевала губами, собираясь с мыслями и , наконец, открыла секрет. Хотя было непонятно, зачем столько важности напускать. То, с каким упоением она начала рассказывать, ясно показывало, что она истосковалась по женскому обществу, а конкретно, по возможности посплетничать.

– Ну, во-первых, это кофейня «Белый кролик» на Золотой площади. Кофейня – это заведение, где пьют кофе. Отвратительная коричневая жижа, которая стоит бешеных денег. Уверена, что никому эта дрянь не нравится, но, если это модно, все хотят показать, что они не отстают. К тому же это

возможность показать свою состоятельность. Ведь тот, кто стеснен в средствах не будет роскошествовать. Мне соседка рассказывала, что там еще делают какие-то пирожки со взбитым сладким маслом, фруктами и цукатами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.